

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Некрасова (Барнаул)

Аннотация. Жизненный мир человека рассматривается как «переходный слой» между объективной и субъективной реальностями, действительность, в которой живет человек. Автор исходит из того, что системное образование, которым является жизненный мир человека, требует и системного исследования. В качестве теоретико-методологических оснований исследования жизненного мира человека рассматриваются принципы, положения теории психологических систем.

Ключевые слова: жизненный мир, самоорганизующаяся психологическая система, образ мира, образ жизни, смысл, ценность, само-трансценденция.

Жизненный мир человека не может быть предметом мышления, за границами которого остаются все нерациональные, не опосредованные логически существенные психологические характеристики, в которых прежде всего и проявляется становление истинно человеческого (сострадание, нравственность, свобода и ответственность и т.д.). Жизненный мир человека не может быть предметом мышления, вне которого остается фундаментальное, сущностное содержание человека – его эмоциональная жизнь. Эмоциональное содержание человека создает специфические трудности в плане его изучения и заставляет по-особому ставить проблему адекватного мышления о нем. Названные характеристики невыразимы в своей сущности на языке имеющихся понятий и категорий, их понятийное описание всегда односторонне и приблизительно. Сверхчувственные компоненты «жизненных пространств» имеющийся понятийный аппарат науки практически не «схватывает», так как не хватает мышления, позволяющего «открывать» эти качества, позволяющего понять их порождение. Для постижения смыслов в их включенности в бытие адекватным оказывается мышление образно-символическое и соответствующие средства выражения: эмоционально выразительный образный и символический язык искусства, литературы, поэзии: «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать *смысл* (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно» [2, с. 362].

Поэты, писатели, в отличие от ученых, не подводят никакой базы под свое видение души. Они в своих прозрениях смелее и идут дальше ученых. Поэзия и художественная литература, не связанные никакими условиями использовать «плотные» научные понятия, что свойственно науке, оперируют в широком диапазоне эмоционально насыщенных образов (миф, мистика, фантазия, эзотеризм, метафора, вера, символы), добиваясь нужного эффекта – описания и постижения смыслов в их включенности в бытие, описания и постижения тем самым «жизненных миров». Поэтому на данной стадии развития науки необходимо максимально использовать те возможности, которые дают искусство и литература. Мы полагаем, что понимание (смысловой синтез) «жизненных миров» не реальных людей, а литературных персонажей может позволить выявить уни-

версальные закономерности, присущие человеку вообще. При этом мы исходим из того, что человек в своей практике, в своей духовной деятельности создает, творит подлинно человеческую действительность: «Литература или текст есть не описание жизни, не просто что-то, что внешне (по отношению к самой жизни) является ее украшением; не нечто, чем мы занимаемся, – пишем ли, читаем ли на досуге, а есть часть того, как сложится или не сложится жизнь» [7, с. 11]; «... весь роман Пруста есть опыт особого рода. Опыт сознания. Опыт совершенно особой активности» [7, с. 54–55].

Различение В. Дильтеем объяснительной и описательной психологии не потеряло своей актуальности и сегодня. Проблема методов и способов познания человека активно обсуждается в психологии и не имеет общезначимого решения. Сложнейшая методологическая проблема современной психологии состоит в поиске ответа на вопрос, как «увидеть» психологические феномены в их включенности в реальную жизнедеятельность человека, не теряя при этом необходимой степени обобщенности, которая свойственна науке, как преодолеть номотетичность, обеспечивающую психологии научный статус, но при этом остаться наукой. Как, анализируя художественную литературу, «не уйти в роман, метафизику», как при этом остаться в области науки?

«Полный текст» (искусство, поэзия, литература) раздвигает «горизонт» человека, открывает возможность по-новому увидеть мир, получить новые мысли, переживания (М. Мамардашвили). «Текст есть нечто, посредством чего мы читаем что-то другое. Текст есть нечто, посредством чего мы читаем событие» [7, с. 28].

«Полный текст» есть «*орган жизни*», *орган понимания* (М. Мамардашвили). Видимо, чтобы понять «полный текст», понять посредством его нечто другое, выйти к целому, необходимо иметь орган понимания такого текста. Понимание, согласно М. Мамардашвили, становится возможным при определенных условиях: «*нужно создать, чтобы испытать*», *нужно построить некую конструкцию*: «...опыт нужно распутать и для этого нужно иметь инструмент» [7, с. 11]. Чтобы *понять* «полный текст», необходимо обладать мышлением, которое давало бы возможность привнести в эмпирический ряд что-то дополнительное и большее, чем его содержание (И. Кант), давало бы возможность видеть структуру за фактами, происходящими в нашей

жизни (М. Мамардашвили). Иначе говоря, необходимо совершить попытку системного видения. Такие попытки всегда приводили к тому, что рассматриваемое явление понималось в сложности переплетений обуславливающих его противоположностей, осмысливалось с позиций разума, т.е. теоретически. Теоретическое осмысление явлений жизни, ранее казавшихся простыми и обыденными, делает их необычными, меняет представление о них. Мы начинаем смотреть на «простые и обыденные» явления через «телескоп», некую конструкцию, и они становятся необычными. «Телескоп – это увидеть то, что есть на самом деле большое, крупное, но кажется маленьким, мелким. Например, в телескоп мы видим Солнце, оно ведь – не маленький кружочек величиной с монету на нашем небе, а громадная звезда, светило. А мы видим его маленьким. ... Философское мышление как таковое состоит в том, чтобы увидеть то, на что смотрят другие, но увидеть за этим нечто крупное, стоящее сзади» [7, с. 24]. Именно с теоретическим, философским осмыслением какого-либо явления перед нами открывается перспектива объяснения, понимания его сложности. Наличие «более полного текста» делает анализ свободнее. Возможность судить о чем-то внутри «большого» дает человеку свободу для новой, личностной позиции (И. Кант).

Таким образом, чтобы *понять* литературного героя, его жизненный мир, выйти к целому, чтобы появился мир новых мыслей и переживаний, исследователю (читателю) надо иметь мышление, обладать мышлением, которое давало бы возможность выходить за рамки «полного текста» и смотреть на него со стороны «большого». Наличие такого мышления можно рассматривать как наличие *органа понимания*, который позволит испытать и пережить то, что без него не будет пережито, так как не будет понято. Отсюда: *понимание человеком другого человека с необходимостью включает в себя ценностное отношение к изучаемой действительности, ценностно-смысловое освоение, смысловой синтез человеческого бытия. Понимание же человеческого бытия, действительности человека невозможно вне диалога.* «Овладесть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного и нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть, точнее, заставить его самого раскрыться, лишь путем общения с ним, диалогически» [1, с. 293]. Здесь активность «носит особый диалогический характер. Одно дело активность в отношении мертвой вещи, безгласного материала, который можно лепить и формировать как угодно, и другое – активность в отношении чужого живого и полноправного сознания» [2, с. 310]. Отметим, что *понимание* для нас – это прежде всего *осмысление, смысловой синтез внутренних связей органического Целого*, коим является жизненный мир человека. Без такого *осмысления* никакие знания не замят и проблеска, толики понимания.

Всякое исследование, относящееся к человеку, должно начинаться с ответа на вопрос о его сущности, его специфических сущностных свойствах. Без этого любые знания о человеке будут лишены своей основы, т.е. будут произвольными, случайными, «фиктивными» (Н.А. Бердяев).

В качестве оснований ценностного отношения к изучаемой психологической действительности (жизненный мир литературного героя) могут рассматриваться следующие принципы и положения теории психологических систем [5, 6].

Исходный принцип – *принцип закономерного усложнения системной организации явления в процессе его эволюции, или принцип становления (порождения) психологической реальности.* Во взаимодействии и взаимопереходе объективного и субъективного рождается новая онтология – особая реальность, мир человека, становление которого составляет сущность процесса человекообразования. Человек, понимаемый как психологическая система, выступает в единстве с объективным миром, с той его частью, которая им «освоена», имеет для него значение, смысл, ценность. Однако чтобы взаимопроникновение произошло, человеку необходимо постоянно совершать «внутренние акты», акты смыслообразования: «...пространство истины может быть расширено только трудом, а само по себе оно – мгновение. И если упустил его... все – будет хаос и распад, ничего не повторится – и мир уйдет в небытие. ... Условно назовем это трудом жизни...» [7, с. 17–18]. Трудом порождения собственной реальности, своего жизненного мира.

Принцип ограничения взаимодействия, или взаимодействия тождественных, соответствующих друг другу противоположностей. Все начинается с вопроса о причине взаимодействия, приводящей к самому взаимодействию: «У слепоты есть свои законы. И они же есть и у прозрения. ... Почему мы видим что-то и не видим этого? Почему мы что-то знаем и почему чего-то не знаем? ... существуют какие-то законы, в силу которых он слеп и не видит. Условно назову это ситуацией соприкосновений или несоприкосновений. ВСТРЕЧ» [7, с. 14–15]. Согласно названному принципу, взаимодействуют только соответствующие друг другу противоположности, в чем-то тождественные. Соответствие – основная причина взаимодействия. Добавим: и понимания, смыслового синтеза, выхода к целому (читатель, обратившись к некоторой книге, понял ее только на том уровне понимания, на котором мог понять в данный момент, настолько, насколько они друг другу соответствуют «здесь и сейчас»). О соответствии или несоответствии человеку дают знать его эмоции; эмоции обеспечивают прохождение в сознание предметов мира, которые имеют для человека ценность и смысл [6]. «Все то, что мы испытываем, есть события; они имеют свои ниточки, по которым они случаются или не случаются. Мы ведь даже волнуемся по законам событий. Мы ведь не всегда волнуемся. А волнение человека довольноно

большая ценность... И часто в ситуациях, когда мы по формальным критериям или предметным критериям должны были бы волноваться, мы холодны как камень. Равнодушны. За этим стоит какой-то закон» [7, с. 25]. За этим стоит закон соответствия или несоответствия, встреч – невстреч. Если мы в пространстве безразличного, неиндивидуализированного, имеющего значение в смысле общих законов или общих актов, встречаемся с соответствующим нам, то в нашем пространстве случается событие нашей эмоциональной жизни [7, с. 25–26]. В результате то или иное событие становится индивидуализированным, приобретает смысл, становится ценным для нас.

Согласно *принципу системной детерминации*, жизненный мир человека есть психологическое явление, порождаемое совокупностью (или системой) детерминант, берущих начало в самом содержании реальной деятельности, в действующей здесь и сейчас личности, в той предметной действительности, в которой совершается реальная деятельность. М. Мамардашвили согласен с У. Фолкнером в том, что «самая большая трагедия человека – когда он не знает, каково его действительное положение. Где он и что происходит с ним? Вернее – как и когда сцепилось то, что сейчас происходит» [7, с. 11]. «Вообще человек есть существо далекого... то, как он видит... идет к нему издалека. В том числе из мира мечтаний, из мира высоких грез...» [7, с. 20].

Принцип многомерности пространства человеческой жизнедеятельности. Мир человека, его жизненное пространство порождается не им, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой он является. Эта уникальная психологическая система обеспечивает возможность рождения и жизни сознания, будучи первичной по отношению к нему и вторичной по отношению к амодальному миру. Она превращает «объективную реальность» (мир без человека) в категоризованный значениями *предметный мир* (как основание предметного сознания). Предметный мир далее превращается в *реальность*, наполненную смыслами, переживаемую человеком в ее данности ему (здесь и сейчас). С обретением смысловых измерений (и смыслового сознания) он превращается в *действительность* – расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностным координатам) пространство для жизни и развития. Ценностные координаты мира человека делают его соизмеримым с другими людьми, с самим собой завтрашним, еще не ставшим, возможным. М. Мамардашвили отмечает: «...если жизнь меняется в зависимости от текста, то этот текст бесконечен. Он не может быть до конца написан... по определению, он не может быть, например, окончанным, совершенным романом» [7, с. 11].

Согласно названным принципам, жизненный мир человека, контуры которого задает сложившийся образ жизни, нельзя рассматривать отдельно от человека. Каждая точка пространства есть *средоточение* времени, причем в те или иные моменты может доминировать

либо будущее, либо прошлое, либо настоящее. Отсюда: человек живет в постоянно развиваемом, динамичном пространстве смыслов и ценностей, в которых живет его прошлое, настоящее, будущее. В попытке понять жизненный мир человека следует учитывать, что этот мир имеет пространственно-временную организацию. Он имеет хронопсихические характеристики:

- единство (целостность) пространственных и временных координат (актуальный сектор многомерного мира человека и субъективное время) – ценностно-смысловое время, смысл. Единство указанных координат – основа переживания человеком («здесь и сейчас») реальности собственного бытия (пространство в отдельности, как и время в отдельности, – лишь «тень реальности»);

- целостность, упорядоченность (иерархия и субординация) системных (внечувственных) и чувственных качеств предметов;

- направленное функционирование, трансцендентность: саморазвитие, постоянный выход за пределы себя, существование на принципе гомеореза, процесса производства новообразований, процесса самоорганизации. Через сверхчувственные качества (ценности и смыслы) система (человек со своим жизненным миром) открывается во внешний мир. В этих качествах конституируется соответствие того, что надо человеку во внешнем для него мире и что он может сделать в нем;

- неустойчивое равновесие, или динамическое неравновесие, между образом мира и образом жизни человека (их процессуальность, динамичность) в связи со смыслопорождающим мышлением;

- гетеростаз (самостоятельное нарушение равновесия с целью развития нового – творчество, самотрансценденция);

- устремленность вперед, детерминация будущим, возможностями (самодетерминация). Дальнодействие, которое обеспечивается самим фактом продленности субъективного в амодальную (до человека, без человека) реальность, перемещение духа на границу с объектом как условие взаимодействия, отражения;

- незавершенность, открытость в мир, открытость для себя, несовпадение со своей наличностью, ценностное предстояние себе. Непрерывное взаимодействие есть основание непрерывного (и закономерного) усложнения человека как системной организации.

Мы полагаем, что названные основания ценностно-отношения к изучаемой психологической действительности (жизненный мир литературного героя) могут позволить войти в диалог с нею. Последнее, в свою очередь, приблизит к возможности «извлечь накопленный поэтами, писателями опыт» и, тем самым, увеличит вероятность приближения «к пониманию души», «законам душевной жизни человека», его жизненному миру.

Совершим попытку войти в диалог с изучаемой психологической действительностью (жизненный мир литературного героя) с целью получить ответы на следующие вопросы: почему происходит нарушение (разруше-

ние) целостности жизненного мира человека? Каковы характеристики деформированного жизненного мира?

Будем учитывать следующее: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее). Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [2, с. 373]. Текст, как и жизненный мир человека, всегда многослоен и парадоксален в силу своей смысловой неоднозначности. Поэтому символическую природу текста и жизненного мира человека невозможно до конца уловить. Наша цель в том, чтобы *проникнуть в смысловой объем текста, жизненного мира героя, войти в диалог с ним, совершить понимание – осмысление, смысловой синтез внутренних связей органического целого.*

Обратимся к литературным текстам, созданным Ф.М. Достоевским, исследующим судьбу свободного человека. Отметим, быть открытым – значит быть свободным, так как открытость и есть основание свободы [6]. Ф.М. Достоевского интересует судьба человека в свободе, в которой, согласно писателю, обнаруживается суть человеческой природы. Подзаконное существование человека, детерминированное «из-вне» и «из-нутри», не раскрывает тайн человеческой природы [3].

Герои писателя чаще всего раздвоенные, с нарушенной личностной целостностью, целостностью жизненного мира. Митя Карамазов перенести не может того, что «иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским». Почему это происходит?

Нарушение целостности жизненного мира литературного героя Ф.М. Достоевского, «раздвоение» его личности всегда связано с выборами, которые он делает. Перед человеком встал вопрос: существуют ли нравственные границы его природы, все ли ему позволено? Иногда человек делается фанатически одержимым какой-нибудь «идеей». «И неужели ты думаешь, что я, как дурак, пошел очертя голову? – спрашивает Раскольников Соню. – Я пошел, как умник, и это-то меня и сгубило». Созданная человеком «идея» начинает *«свет ему застит»*, начинает брать в плен. Она становится доминантой, повторяется и повторяется, не отпускает. Она вписывается в образ мира человека, начинает доминировать в нем. Человек делается одержим своей «идеей». Все сходится в одной точке: и прошлое, и настоящее, и будущее. Меняется взгляд на мир: все видится через призму «идеи». В результате меняется и образ жизни.

Состояние Раскольникова перед преступлением, в момент его совершения и после, – состояние помрачения, «он чувствовал во всем себе страшный беспорядок», время нарушило свой бег, «исчезла связь времен». Чрезмерная мономания и изоляция характеризуют Раскольникова уже в начале романа. Он «бежал всякого общества», у него выработалась «привычка к монологам», «с прежними товарищами своими теперь он вообще не любил встречаться». Разорваны все связи общения, объединявшие его с другими людьми.

Раскольников одержим «идеей». Он становится очень негибким. Между тем известно: «что отвердело – не победит». «Идея» восстает против целостности личности, против всей психологической системы, которой является человек. Система теряет свою открытость, свободу, начинает свертываться, закрываться. Теория Раскольникова поработает его. И не очень важно, какая это теория. Важно, что она диктует человеку образ его жизни, законы жизни.

Раскольников иногда ссылается на черта. Однако так как все внешние силы случайны для человека, то вернее сказать – дело в случае, не в черте. Раскольникова буквально несет к убийству, а потом и к покаянию как бы помимо воли. Когда он вдруг узнает, что завтра старуха вечером остается одна, «идея», которая засела в образе мира крепкой занозой, сразу же включается и начинает сама собой почти против воли действовать. Раскольников действует почти автоматически. Однако он ответственен за каждый свой шаг, так как он свою теорию продумал детальнейшим образом.

Господство «идеи» в образе мира создает вероятность «захвата» всего жизненного мира человека «в плен». Случай может помочь, может и помешать. Согласно принципу ограничения взаимодействия взаимодействуют только соответствующие друг другу противоположности, в чем-то тождественные; соответствие – основная причина взаимодействия. Если случай или намерение привели соответствующие друг другу противоположности в соприкосновение, то взаимодействие происходит по причине их соответствия друг другу. Притягивается к нам то, встречаемся мы с тем, что нам соответствует. И часто человек видит в противоположном только двойника (А.А. Ухтомский). Особенно когда «идея» *«свет застит»*, когда взгляд зашорен. Случай помог превратить вероятность убийства в событие, воплотить то, что внутренне уже свершилось. Раскольников говорит Соне, что при чуть-чуть иной раскладке фактов убийства бы не было. Думается, что оно все равно произошло бы, произошла бы встреча с другим случаем. Случай в данном случае закономерен! Иначе быть не могло, так как Раскольников свободно допустил вероятность убийства старухи-процентщицы. Случай поймал Раскольникова на его «идее». Иван Карамазов допустил, что кто-то убьет отца. Случай поймал и Ивана. И случай же спас Митю Карамазова, отведя его от убийства отца. Митя говорит, что Святой Дух облобызал его.

У Раскольникова, как и у других раздвоенных героев Ф.М. Достоевского, духовная болезнь, разрушение души, нарушение целостности жизненного мира. На фоне духовной болезни вместе с ней развивается и душевная болезнь как психическое расстройство.

Преступление – пик, результат постепенно совершавшегося распада психологической системы, которая все более и более затвердевала, становилась менее гибкой, закрывалась. Закрывалась тем сильнее, чем сильнее захватывала «идея». Раскольников почувствовал «во всем себе страшный беспорядок», все раскололось, так как *не было смысла* как начала, «оцеляющего» жизненный мир человека. Вопрос о смысле существования движет человеком [8]. Переживание смысла помогает находить и воплощать собственный личностный смысл в конкретных ситуациях. Непроявленность смысла существования, тем более его отсутствие, приводит к нарушению целостности жизненного мира, которая активно создается, творится самим человеком. Утрата же объединяющего начала открывает доступ процессам распада и дезинтеграции. Это не может не привести к тому, что *исчезает «связь времен»*. Обрывается временная преемственность сознания. Раскольников понимает, что не может «о том же самом мыслить теперь, как и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался... еще так недавно... В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами показалось ему теперь все это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления... и он сам, и все, все... Казалось, он улетал куда-то вверх и все исчезало в глазах его... Ему показалось, что как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту». Нарушается общение с самим собой, миром, людьми. Нет будущего, нет смысла, полное равнодушие, пустота, «*всё всё равно*».

Потеря смысла вызывает в той или иной степени затруднение, которое, разрастаясь (усугубляясь), начинает проявляться в потере коммуникации, диалога человека с миром и самим собой. Человек «говорит» о себе, создавая текст своей жизни, свой жизненный мир посредством определенного «порядка» или беспорядка (который может стать абсолютным беспорядком). Раскольников «чувствовал во всем себе страшный беспорядок».

Будущее свернулось, сжалось до настоящего. Время нарушило свой бег, «исчезла связь времен». Открытая система, которой является человек, при переходе в узкий слой настоящего (здесь и теперь) все больше закрывается, происходит постепенное разрушение действительности, в которой можно жить, самоорганизуясь, самотрансцендируя [6]. Разрушается динамически устойчивое благодаря ценностным координатам пространство для жизни и развития как условие сохранения жизни и ее осуществления. Такое разрушение характеризуется снижением «чувства реальности» вплоть до его полной потери. Преступление совершено в состоянии, весьма далеком от «чувства реальности». Все делается автома-

тически, «инстинкт помогает»: «Ключки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря на усилия... Уверенность, что все, даже память, даже простое соображение оставляют его, начала нестерпимо его мучить»; «Он чувствовал во всем себе страшный беспорядок. Он сам боялся не совладать с собой. Он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем-нибудь думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось». Снижение «чувства реальности» приводит к потере главного и фиксации на мелочах, к настоящему кошмару, бреду, потере чувства времени: «...было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием. ...Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз – что все тот же день идет».

Раскольников находится в перманентном состоянии перехода. «Чувство реальности» медленно возвращается, по мере того как «строится», «создается» пространство смыслов и ценностей, жизненный мир, в котором можно жить и действовать. По мере того как система открывается. «Чувство реальности» возвращается с ростом трат духовной энергии, которая является одновременно ее приращением через создание вокруг (в пространстве и времени) духовной атмосферы, действительности, в которой можно жить [4].

В пределе раздвоения личности, нарушения целостности жизненного мира выделяется и персонифицируется другое «я» человека, его «идея». В патологических случаях «идея» оживает. Предел раздвоения – кошмар Ивана Карамазова, разговор его с чертом. Свой «черт» есть у всех раздвоенных героев Ф.М. Достоевского.

У людей с «двоящимися мыслями» *ослабевают критерии различения*. Приходит состояние «*всё равно*», полное равнодушие. Но это и есть утеря свободы, открытости психологической системы, ее гибель, гибель личности. В Федоре Павловиче Карамазове возможность свободы избрания окончательно утеряна. Наступает *равнодушие* ко всему, доходящее до абсолютного цинизма. Личность погибла, произошли глубокие повреждения в строе всего жизненного мира человека.

Думается, что каждый из раздвоенных героев Ф.М. Достоевского мог бы сказать о себе следующее: «Последние месяцы моей жизни ...кажутся мне гораздо длиннее всей моей жизни. И никогда раньше я не умел так мириться с медленностью времени, как теперь. ...я могу всю ночь сидеть неподвижно на кровати и совершенно равнодушно думать о том, что завтра будет такая же длинная, бесцветная ночь, и послезавтра. ...Пугает меня ... мое *равнодушие*. ... *равнодушие* – это паралич души, преждевременная смерть. ...в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. ...нет чего-то общего, что связывало бы все ...в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях, во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже искусный аналитик не найдет того, что называется *общей иде-*

ей или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего. ... Когда в человеке нет того, что выше и сильнее всех внешних влияний, то, право, достаточно для него хорошего насморка, чтобы потерять равновесие и начать видеть в каждой птице сову, в каждом звуке слышать собачий вой. И весь его пессимизм или оптимизм с его великими и малыми мыслями в это время имеют значение только симптома и больше ничего. *Я побежден* (курсив мой. – Е. Н.)» [9, с. 327–330].

Совершенная попытка войти в диалог с изучаемой действительностью, жизненными мирами литературных героев, попытка смыслового синтеза, усмотрения внутренних связей органического целого «полного текста» позволила выделить следующие характеристики деформированного жизненного мира человека. Прежде всего, это общая *симплификация психологической системы*, выражающаяся в следующем:

- свертывании присущей системы селективности, утере свободы избрания вплоть до исчезновения истинных критериев различения (разрушении совести, нравственной идиотизации и др.);
- смысловых пустотах, непроявленности смысла или общей утрате целей и смыслов своей жизнедеятельности, базовых ценностно-смысловых ориентиров;
- отсутствии «общей идеи», «бога живого человека», «оцеляющих» психологическую систему, способствующих сохранению равновесного состояния, самоустраемленности психологической системы;
- отсутствии смыслопорождающего мышления;
- раздвоении личности вплоть до клинического, разрушении личности как системного качества;

– утере способности «видеть» еще не реализованные возможности, тем самым, провале будущего и тяготении настоящим;

– утере целевой, не причинной детерминации, возможности самодетерминации и самотрансценденции, тем самым, продуктивной самоорганизации;

– отсутствии способности выходить за пределы устоявшегося, «затвердевшего», зафиксировавшегося, тем самым, способности быть открытым, свободным;

– ощущении потери своего «Я», его единства и целостности; разрушении непрерывности личностной истории, самотождественности;

– потери коммуникации, диалога человека с миром и самим собой;

– снижении «чувства реальности», иногда до полной потери;

– нарушении «бега времени» («распалась связь времен»): перехода в узкий слой настоящего; переживании замедленности вплоть до остановки времени;

– «увядании», «уплощении» эмоций. Равнодушии, безразличия, появлении состояния «всё всё равно».

Как следствие «паралич души», ситуация невозможности жить, смерть (физическая или духовная).

Полученные результаты позволяют автору оставаться в убеждении, что понимание человека как открытой психологической системы, его жизненного мира как динамично развивающегося ценностно-смыслового пространства со своим прошлым, настоящим, будущим позволит «извлекать» накопленный литературой опыт, приблизит «к пониманию души» человека, объяснению происхождения жизненного мира, его деформации и разрушению.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Искусство, 1979
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990.
4. Зинченко В.П. Размышления о живой душе и ее воспитании // Прикладная психология. 2002. № 5–6. С. 11–31.
5. Ключко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре. Бийск, 2000. С. 8–16.
6. Ключко В.Е. Самореализация личности как проявление самоорганизации в психологических системах // Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 2000. С. 65–144.
7. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла / Под общей ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
9. Чехов А.П. Собр. соч. М.: Художественная литература, 1962. Т. 6. С. 271–333.

VITAL WORLD OF A HUMAN BEING AS A OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

E.V. Nekrasova (Barnaul)

Summary. Vital world of a human being is dealt with as a «transitional layer» between objective and subjective reality, reality in which a human being lives. The author supposes that such a systematic formation as a vital world of a human being demands a systematic investigation. Principles and propositions of a theory of psychological systems are taken as a theoretical and methodological ground of the investigation of a vital world of a human being.

Key words: a world of life, a self-controlled psychological system, the image of the world, the manner of life, emotions, thinking, sense, value, self-transcendence.